

Политические и интеллектуальные связи между Ширваном и Дагестаном в XV–XVIII вв.: к деконструкции местной историографической традиции

Ш.Ш. Шихалиев^{1а}, А.В. Шумкин^{2б}

¹Институт Истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3322-0256>, e-mail: shihaliev74@mail.ru

^бORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6438-5646>, e-mail: arsen1293@rambler.ru

Резюме: Статья посвящена проблемам политической истории Дагестана. Чтобы пролить на нее свет, авторы попытались составить схему жанровой эволюции дагестанской исторической литературы, используя методы, которые А.А. Шахматов создал для русского летописания. Если в XVII веке для Дагестана были характерны сочинения эпического характера (такие как «Дербенд-наме» и «История Маза»), авторы которых все же старались более-менее придерживаться использованных ими источников, то в XVIII веке широчайшее распространение получили псевдобιοграфические произведения («Тарих Дагестан», сочинение Махмуда из Хиналуга и некоторые другие), основанные на материалах предшествующей письменной традиции. В данной работе с помощью методов деконструкции текста исследуются вопросы их создания и оценивается степень достоверности содержащихся в них сведений. В результате тщательного изучения трех сочинений авторы приходят к выводу, что, несмотря на высокую ценность имеющейся в них информации, их можно использовать для реконструкции исторических событий лишь с очень большой осторожностью, предварительно установив релятивистские причины их создания.

Ключевые слова: Дагестан; Монгольская империя; уцмии; шамхалы; ширваншахи

Для цитирования: Шихалиев Ш.Ш., Шумкин А.В. Политические и интеллектуальные связи между Ширваном и Дагестаном в XV–XVIII вв.: к деконструкции местной историографической традиции. *Minbar. Islamic Studies*. 2026;19(1):13–41. DOI: 10.31162/2618-9569-2026-19-1-13-41

Political and Intellectual Connections between Shirvan and Daghestan in the Fifteenth – Eighteenth Centuries: Toward a Deconstruction of the Local Historiographical Tradition

Sh.Sh. Shikhaliev^{1a}, A.V. Shumkin^{2b}

¹*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, the Russian Federation*

²*The Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3322-0256>, e-mail: shihaliev74@mail.ru

^bORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6438-5646>, e-mail: arsen1293@rambler.ru

Abstract: The article addresses key issues in the political history of Dagestan. To shed light on these problems, the authors propose a model of the genre evolution of Dagestani historical literature, drawing on the methodological framework developed by A. A. Shakhmatov for the study of Old Russian chronicles. In the seventeenth century, Dagestan was characterised by works of an epic nature (such as the Darband-nāma and the History of Maza), whose authors sought, more or less consistently, to adhere to the sources they employed. In contrast, the eighteenth century saw the widespread emergence of pseudo-biographical compositions (including the Tarikh Dāghistān, the work of Mahmud of Khinalug, and several others), which were largely based on the materials of earlier writers. The present study applies methods of textual deconstruction to analyse the circumstances of their composition and assess the reliability of the information they contain. As a result of a detailed examination of three such works, the authors conclude that, despite the high value of the data they preserve, these texts can be used for the reconstruction of historical events only with considerable caution and only after establishing the relativistic motives underlying their production.

Keywords: Dagestan; Mongol Empire; utsmis; shamkhals; shirvanshahs

For citation: Shikhaliev Sh.Sh., Shumkin A.V. Political and Intellectual Connections between Shirvan and Daghestan in the Fifteenth – Eighteenth Centuries: Toward a Deconstruction of the Local Historiographical Tradition. *Minbar. Islamic Studies*. 2026;19(1):13–41. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2026-19-1-13-41

*Посвящается Тэймуру Рустэмовичу Галимову,
одному из наиболее преданных своему делу исследователей
истории Золотой Орды*

Введение

Тема взаимных связей между Ширваном и Дагестаном поднималась многими исследователями. Особое место среди них занимает А.Е. Криштопа, который много лет посвятил изучению и интерпретации восточных источников, проливающих свет на эту проблему. Он наметил пути разрешения некоторых сложных вопросов, возникающих при попытках истолкования сведений дагестанских исторических сочинений [1, с. 29–49]. И все же он не смог полностью порвать с позитивистскими взглядами, которые длительное время культивировались в советской исторической науке, поэтому во многих случаях весьма буквально понимал и использовал данные местной мусульманской письменной традиции.

В рамках исследования творчества А.Е. Криштопы проведен детальный анализ, фокусирующийся на жанровом своеобразии исторической литературы Дагестана. Данная литературная традиция складывалась в условиях сложной геополитической борьбы на Восточном Кавказе в XVI–XIX веках, бывшем ареной противостояния между Ираном, Османской и Российской империями. После двукратного падения династии Сефевидов в XVIII столетии Россия активно использовала образовавшийся вакуум власти для утверждения своего влияния в Дагестане и Ширване. Это привело к беспрецедентно тесному контакту местного мусульманского общества с европейской культурой, что стало для него глубоким цивилизационным и социальным потрясением, ломавшим привычные многовековые устои.

Именно в этот период на Северо-Восточный Кавказ проник псевдобиографический жанр, отразивший настроения общества в эпоху крушения традиционного уклада [2, с. 98–104]. Тогда были созданы наиболее яркие публицистические произведения, ставшие визитной карточкой местной литературы. Их авторы, переживая сложный период изоляции от остального исламского мира, сосредоточились на внутренних событиях Дагестана. Однако регион исторически не был изолирован. Он являлся очагом зороастрийской, а затем мусульманской культуры, а его жители были свидетелями смены правлений шахиншахов, халифов, хазарских, монгольских каганов, ширваншахов и Сефевидов, оставаясь частью всемирной истории.

В результате европейской экспансии и знакомства с новыми социальными отношениями дагестанцы заняли консервативную позицию, направленную на сохранение мусульманской культуры, одновременно испытывая чувство беспомощности и оторванности от остального исламского мира. Порожденная этой эпохой литература нередко изображала историю Дагестана в гротескном и искаженном виде. В работах

А.Е. Криштопы спорным представляется излишнее доверие к подобным нарративам в условиях отсутствия иных – надежных – исторических ориентиров. Основной метод, применяемый в данной статье, – это критическая деконструкция текстов для выявления релятивистских императивов их создания. Полученные результаты позволяют пересмотреть ряд выводов, ранее сформулированных А.Е. Криштопой.

Политические связи между Ширваном и Дагестаном

Для понимания политических связей Ширвана и Дагестана в Средние века необходимо проанализировать границы и характер власти ширваншахов. Существует традиция именовать их владения «государством», однако ширваншахи не обладали полным суверенитетом. Основные сведения об их ранней истории восходят к арабским переводам 'Абдаллаха ибн аль-Мукаффа' с пехлевийских источников. В доисламский период ширваншах был удельным князем, утверждаемым шахиншахом Ирана. Согласно утверждению Ибн Хордадбеха, его удел был учрежден не позднее правления первого сасанида Ардашира Папакана [3, с. 61]. Подобных княжеств в составе Ирана, существовавших еще со времен Аршакидов, было множество.

При Сасанидах территория Ширвана простиралась вдоль Кавказского хребта от Дербента до Хурсана на севере и до устья Куры на юге. С ним граничили уделы вахразраншаха (Авария), филаншаха, табарсараншаха (Табасаран), хурсаншаха (земли лезгин), маскутшаха (Дербенд, в современной орфографии – Дербент) и лайзаншаха (Лажидж). Особое значение эти княжества приобрели при Хосрове I Ануширване, который включил их в мощную оборонительную линию для защиты Ирана от набегов со стороны Тюркского каганата [4, с. 6–7].

В ряде средневековых источников род ширваншахов возводится к Сасанидам Хосрову Ануширвану, Бахраму Гуру или даже к аршакиду Бахраму Чубину [5, с. 169, 190–191; 6, с. 380]. Однако, согласно сведениям, переданным Шараф-ханом Бидлиси, при первом правлении Кавада I шахом Армении был его брат Замасп, сын Пероза, который временно сверг Кавада и правил Ираном в 496–498 гг. Его сыновьями были Нарса, Сурхаб и Бахват: Нарса унаследовал армянский престол, а Сурхаб стал родоначальником династии ширваншахов [7, с. 406].

После арабского завоевания Ширвана при халифе 'Умаре ибн аль-Хаттабе его правитель Шахрийар заключил договор, согласно которому его владения освобождались от налогов в обмен на обязательство защищать регион от хазар [8, с. 13–14]. В период Халифата некоторые из местных правителей сохранили свои владения, перейдя под власть мусульман. На арабском языке их титуловали «малик» (царь), поскольку в собственно мусульманской среде этот титул, ассоциировавшийся с доисламскими языческими правителями, тогда не употреблялся. Известно, что в период, когда арабским наместником Армении был Са'ид ибн Салим аль-Бахили (796–798), ему подчинялся

малик Ширвана по имени аш-Шаммах ибн Шуджа' [9, с. 571]. Он носил арабское имя, однако неясно, был ли он потомком Шахрийара, принявшим ислам, или же местную династию уже сместили к тому времени арабы.

Должность наместника Армении в 787–788 и 799–801 годах занимал полководец Йазид ибн Мазйад аш-Шайбани. После его смерти его потомки неоднократно, хотя и с перерывами, назначались на этот же пост [5, с. 44–47]. Волнения, начавшиеся после убийства халифа аль-Мутаваккиля в 861 году, стали важной вехой в возрождении иранской политической деятельности. В этот период Йа'куб ибн аль-Ляйс основал в Иране династию Саффаридов, а спустя десять лет получил от халифа аль-Му'тамида инвестицию на правление несколькими восточными провинциями [10, с. 203–205]. Одновременно внук Йазиды, Хайсам ибн Халид, провозгласил себя ширваншахом, а его брат Йазид ибн Халид – лайзаншахом [5, с. 48].

Несмотря на иранское происхождение Саффаридов и арабское – Мазйадидов, обе династии со временем заявили о своей преемственности от Сасанидов [10, с. 203–205; 5, с. 169]. Этот шаг, несомненно, был попыткой апеллировать к доисламским правовым нормам для обоснования царского статуса. Началась дезинтеграция Халифата, хотя формально Ширван и Лайзан не разрывали вассальных связей с ним, поскольку его власть все еще опиралась на идеологию политического единства мусульман.

Мазйадиды, изначально наместники халифата, стали наследственными правителями, лишь формально получавшими инвестицию от халифа. Вскоре они распространили свою власть на княжество Табарсаран, также существовавшее с сасанидских времен [5, с. 49]. Четвертый удел, Хурсан, был полностью поглощен Ширваном к 1074 году [5, с. 63]. Контроль над Дербентом (Маскутом) устанавливался Мазйадидами эпизодически с 944 года, с периодами владычества в 990–991, 1019–1021, 1023–1024, 1035 и 1065–1072 годах [5, с. 49, 51–53, 55, 57–58, 61–63]. Таким образом, влияние на южные земли будущего Дагестана было установлено ими в начале правления династии. Наиболее продолжительный период контроля над Дербентом пришелся на правление ширваншаха Фарибурза ибн Саллара (1063–1096).

Из касыды Мас'уда ибн Намдара известно, что ширваншах Фарибурз значительно расширил свое влияние в Дагестане [11, с. 9]. Поэтический текст свидетельствует, что он укрепил свою власть на территории, расположенной в Каспийском проходе к северу от Дербента, подчинив савиров и вытеснив алан, а также продвинулся через горные перевалы, овладев Кумухом. В письмах Фарибурза к обществам Гумика и аль-Лакза, включенных в сборник Ибн-Намдара, ширваншах пытался использовать лакзов как посредников для обращения гумиков в ислам и намеревался назначить в Кумух наместником своего сына 'Адуд-ад-Даулю Минучихра, заверяя, что не стремится к сбору с них налогов [12, с. 171–174].

Окончательный контроль над Дербентским эмиратом ширваншахи установили лишь в XIII веке, посадив на престол своих родственников вместо династии ас-Сулами, а в начале XIV века аннексировали его [1, с. 56; 13, с. 186]. Известно, что в 1222 году эмиром Дербента был Рашид, брат ширваншаха Гаршаспа ибн Фаррухзада [8, с. 145–146; 5, с. 187]. В 1229 году упоминается правление несовершеннолетнего правителя, при котором регентом был атабек аль-Асад [14, с. 213–214].

Косвенные данные о дальнейшей судьбе Дербента содержатся в известиях о событиях 1382 года. После убийства ширваншаха Хушенга ибн Кавуса ибн Кей Кубада в результате восстания на престол был приглашен его двоюродный брат – шейх Ибрахим ибн Султан Мухаммад ибн Кей Кубад, носивший нисбу «Дербенди» [5, с. 170]. Это позволяет заключить, что при ширваншахах Кей Кубаде (1317–1348) и Кавусе (1348–1372) наместником Дербента был Султан Мухаммад ибн Кей Кубад. Вероятно, он был назначен на смену кому-то из своих родственников, пользовавшихся до этого более широкой автономией, что свидетельствует о постепенной интеграции эмирата в состав государства Ширваншахов.

В XI веке Кумух [15, с. 124], как и Ширван, находился под властью сельджукидов¹. В частности, в 1066 г. Ширван подвергся нападению сельджукида Кара-Тегина, и поэтому в следующем году ширваншах Фарибурз признал над собой сюзеренитет султана Алп-Арслана, а впоследствии чеканил на своей монете имя султана Малик-шаха [5, с. 59–61; 6, с. 459]. Некоторое время спустя Ширван окончательно ввел Кумух в

---

¹ По поводу влияния сельджукидов на Ширван и Дагестан Джамал ад-Дин ал-Гарабудаги в своей арабоязычной хронике пишет следующее: «Сельджукский султан Алп Арслан покорил множество земель христиан и распространил свою власть на Кавказские горы – как к югу, так и к северу от них. Своему сыну, Малик-шаху, он оставил обширное государство, простиравшееся от Йемена до границ Китая, а также мудро и искусного в управлении визиря, известного как Низам ал-Мульк. Последний расселил различные тюркские племена на Кавказе – от земель Картли до побережья Хазарского моря, чтобы облегчить управление областями, вошедшими под власть сельджуков, и сохранить их от смут и мятежей. С тех пор Кавказ стал местом поселения тюрков Азербайджана и Хорасана, обозначаемых как Иран и Туран... Малик-шах был вершиной могущества династии Сельджуков. Однако он разделил свое обширное государство между сыновьями и сыновьями своих братьев; это было сочтено политической ошибкой, поскольку единая община распалась на враждующие части, а единое государство – на соперничающие и воюющие владения. Вследствие этого пришла в упадок и исчезла иранская ветвь, распространившая свою власть на Дагестан в середине VI века хиджры. На юге Дагестана возникло государство Минучихр-шаха, сына Туркман-шаха, носившего титул хакана – верховного правителя тюрков и татар. Своей столицей он сделал город Шемаху, однако его государство вскоре прекратило существование. После него в Шемахе утвердился правитель с титулом Ширваншах, возводивший свою родословную к Хосрову Ануширвану; он присоединил к своим владениям земли Армении, южного Дагестана и его северо-восточных областей. Под его властью находились Баб ал-Абваб (Дербент) и прилегающие территории. Что касается северо-западной части и внутренних областей Дагестана, то они подчинялись Ширваншаху в рамках исламского единства, сохраняя при этом автономию и самостоятельность во внутреннем управлении. Так продолжалось до нашествия татар на эти земли, которые они разорили и перевернули вверх дном» (См.: Джамал ад-Дин ал-Гарабудаги. Та'рих Кавказ, с. 49–50). Рукопись на арабском языке хранится в коллекции Магомедбека Мамаева, с. Карабудахкент. Копия рукописи хранится в личном архиве Ш. Шихалиева.

состав исламского мира. В XIV веке в Кумухе, находившемся под влиянием Ширвана, утвердилась династия, носившая титул шамхалов. Основные сведения о ранней ее истории содержатся в трех дагестанских эпиграфических надписях (дарственная на селение Худуц, строительные надписи в Аштах и Цахуре), в Новгородской первой летописи, а также у тимуридских историографов Низам-ад-дина Шами и Шараф-ад-дина Йезди [16, с. 82–88; 17, с. 90–92, 95–96; 18, с. 1095, 1102–1104; 19, с. 85; 20, с. 98; 21, с. 304; 22, с. 203].

Основатель династии, Ахситан (носивший имя ширваншахов XII–XIII вв.), владел Кумухом с 1318/19 г. до своей гибели в Твери в 1327 г. [17, с. 90–92; 20, с. 98]. Ему наследовали сыновья Бадр-шамхал и Бугдай, упомянутые в недатированной надписи около 1350–1370-х гг. [17, с. 95–96]. Следующим правителем был Исми-шамхал, засвидетельствованный в надписи декабря 1374 г. [19, с. 85; 23, с. 48]. Вероятно, он погиб в бою с чагатайцами весной 1396 г. [21, с. 304; 22, с. 203].

После этого династия пресеклась, но была возрождена в XV веке ширваншахом Фаррухом-Ясаром, чьими потомками стали последующие шамхалы. На основании правовой логики надписей из Худуца и Ашты можно предположить, что Ахситан был наследником побочной ветви Мазйадидов, правившей Дербентом в XIII – начале XIV в.

Чтобы понять обстоятельства образования шамхальства, следует учитывать политический контекст после монгольских завоеваний. После падения халифата в 1258 году Ширван вошел в удел ильхана Хулагу. В ходе войны между Хубилаем и Аригбугой Дербент был захвачен войсками Джучида Берке, а после его смерти перешел к его внучатому племяннику Менгу-Гимуру [21, с. 74, 221; 1, с. 75]. Однако не позднее 1288 года контроль над Дербентом вернулся к хулагуиду Аргуну². В 1298 году ильхан Газан-хан направил эмира Нурина для защиты Дербента [24, с. 180].

Согласно письму Рашид-ад-дина (между 1315 и 1318 гг.), к этому времени ширваншахи окончательно присоединили Дербент к своим владениям [24, с. 186]. Однако зимой 1318–1319 гг. хан Золотой Орды Узбек, по-видимому, вновь отвоевал крепость, о чем свидетельствует надпись на карте братьев Пиццигани (1367 г.), называющая Дербент «пограничной крепостью Узбека» [21, с. 269–270]. Южнее, у крепости Кайол, указана граница владений ильхана Абу-Са'ида («Бумсы») [25, с. 24]. Эта нестабильность контроля над стратегическим проходом создавала условия для появления новых политических образований, таких как шамхальство.

Очевидно, не случайно эпиграфическая надпись, упоминающая шамхала Ахситана, датирована именно временем кампании Узбек-хана по завоеванию Дербента. В 1327 г. Ахситан был убит восставшими против власти Орды жителями Твери, выпол-

² И из подвигов Аргуна было завоевание Гуржистана. Было послано 300 тыс. воинов, одетых в сталь. Они полных два месяца воевали в Дербенте Гуржистана. Каждый день от лакзов посылалась помощь – пища и другое. Наконец, завоевали, и поражение пало на войско неверных... [1, с. 97].

няя там обязанности ханского посла. Видимо, его назначение состоялось в ситуации, когда Ширван оставался под властью Хулагуидов, а Дербент и Кумух были захвачены Джучидами, которые, тем не менее, вынуждены были назначить в указанные города эмира из рода ширваншахов, долгое время владевшего ими.

Интеллектуальная преемственность между Ширваном и Дагестаном

Политические связи определили пути проникновения исламской богословской и правовой мысли в Дагестан. В XVI–XVIII веках многие дагестанцы получали образование в Ширване. Местные биографические словари упоминают ряд ученых XVII века (Малла Мухаммад аль-Голоди, Исма‘иль из Шиназа и др.), обучавшихся в медресе Шемахи, Кубы, Голоды и других ширванских центров [26, с. 11–18; 27, с. 116–125]. Эта традиция, особенно сильная среди жителей Южного Дагестана, сохранялась до начала XX века. О ее масштабах свидетельствует тот факт, что в южнодагестанских книжных собраниях большое количество рукописей XVII – начала XX в. переписаны в ширванских селениях.

Некоторые из этих ученых привозили из Ширвана богословскую литературу и внедряли на родине образовательную модель, сложившуюся в местных медресе. До конца XVII века многие дагестанские учебные заведения развивались в русле суннитской интеллектуальной традиции, культивировавшейся в Ширване. Об этом свидетельствует репертуар изучавшихся сочинений по шафиитскому праву, логике и суфизму – как привезенных рукописей, так и созданных на месте копий, восходящих к ширванским источникам.

В конце XVII века происходит переориентация научно-образовательной парадигмы Дагестана на модель ведущих ближневосточных центров, таких как Каир, Алеппо, Дамаск и Мекка. Главную роль в этом сыграл дагестанский ученый Мухаммад аль-Кудуки (ум. 1717 г.), который внедрил новый образовательный стандарт. Он ввел строгую последовательность изучения определенных трудов по арабской грамматике, логике, теории диспута и исламскому праву. Хотя данный стандарт частично отражал ширванское наследие (особенно в грамматике и логике), в своей основе он все же опирался на ближневосточные интеллектуальные элементы.

Север Ширвана в XVII–XIX вв. был зоной взаимодействия трех правовых традиций: шафиитской (аварцы Джара, часть цахур и лезгин), ханафитской (большинство населения, включая часть лезгин и цахур) и джа‘фаритской (шииты, в основном связанные с сефевидской администрацией). Некоторые дагестанцы региона использовали нисбу аль-Ханафи, например, накшбандийский шейх Махмуд аль-Алмали (ум. 1877 г.), известный также как ад-Дагистани. В этой контактной зоне различия между суннитскими мазхабами отступали на второй план перед общим идеологическим противостоянием шиитам.

Что касается истории изучения шафиитского права в Дагестане, то в ней можно условно выделить два течения, которые последовательно сменяли друг друга по мере развития местной юридической традиции. Первая, более ранняя, линия преемственности представлена сочинениями, созданными на арабском языке персидскими учеными Абу-ль-Касимом ар-Рафи'и (ум. в 1226 г.) 'Абд-аль-Гаффаром аль-Казвини (ум. в 1266 г.), 'Аля'-ад-дином 'Али ат-Табризи (ум. в 1329 г.), Йусуфом аль-Ардабили (ум. в 1377 г.), Махмудом аль-Кирмани. В Дагестане, согласно колофонам рукописей, сочинения этих авторов переписывались начиная с 718 / 1318 года³, но на регулярную основу их копирование было поставлено уже в XVI веке⁴. До тех пор дагестанские правоведы пользовались в основном привозными рукописями названных авторов, скопированными в Ширване, Иране и на Ближнем Востоке. В течение XV–XVII вв. эти сочинения являлись по сути дела единственными правовыми сочинениями в Дагестане, о чем свидетельствует их массовая переписка в регионе в указанный период. Однако ближе к концу XVII века этот набор сочинений по фикху начинает терять свою популярность. Очевидно, что дагестанцы в XV–XVII вв. через исторический Ширван ориентировались на персидскую арабоязычную шафиитскую традицию.

В середине XVII века дагестанские ученые переняли ближневосточную дидактическую традицию. Начиная с этого времени Каир, Алеппо и Мекка становятся главными центрами, где дагестанские правоведы получают или совершенствуют свое образование. Неудивительно поэтому, что со второй половины XVII века более ранний набор сочинений персидских шафиитских авторов начинает вытеснять другой репертуар шафиитских правовых сочинений, представленный сирийскими и египетскими авторами. Это, прежде всего, сочинения сирийского ученого Мухйи-ад-дина ан-Навави (ум. в 1278 г.), два комментария египетских ученых Джалаль-ад-дина Мухаммада аль-Махалли (ум. в 1459 г.), Ибн-Хаджара аль-Хайтами (ум. в 1567 г.) на сочинения ан-Навави и многочисленные субкомментарии на эти сочинения, написанные египетскими и сирийскими правоведом, такими как Ибн-Муляккын (ум. в 1401 г.), Мухаммад ад-Дамири (ум. в 1405 г.), Ибн-Касим аль-'Ибади аль-Азхари (ум. в 1550 г.), Шихаб-ад-дин аль-Кальйуби (ум. в 1659 г.), Шихаб-ад-дин ар-Рамли (ум. в 1595 г.), Ибн-'Абд-аль-Хакк ас-Сунбати (ум. в 1591 г.) и др. Такое изменение репертуара сочинений по мусульманскому праву можно было наблюдать во всем Дагестане.

Изменение набора сочинений по исламскому праву было связано как со сменой интеллектуального ландшафта, так и с происходившими в регионе политическими событиями. Первое объяснялось деятельностью вышеупомянутого Мухаммада аль-Кудуки,

³ 'Аля'-ад-дин 'Али ат-Табризи. *Шарх ал-Хави ас-сагир*. Коллекция Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (далее – ИИАЭ ДФИЦ РАН). Ф. 14. № 2334.

⁴ 'Аля'-ад-дин 'Али ат-Табризи. *Шарх ал-Хави ас-сагир*. Рукопись была переписана в дагестанском селении Кумух 3 Зу-л-хиджа 911 / 6 мая 1506 г. Коллекция ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. № 1371.

благодаря которому египетско-сирийская школа начала вытеснять арабоязычную персидскую. Труды сирийских и египетских шафиитских правоведов с точки зрения правовой терминологии стали считаться более «достоверными», «весомыми» по сравнению с сочинениями, написанными в персидской шафиитской традиции [28, р. 243].

Другой фактор был обусловлен османо-сефевидскими войнами первой половины XVII века, послужившими причиной массового оттока суннитских ученых из Ширвана в Османскую империю, а в отдельных случаях – в Дагестан. К их числу принадлежал и Мухаммад Рафи' аш-Ширвани, о котором турецкий исследователь Кямран Абдуллаев пишет, что он вместе со своим братом и племянником Нур-ад-дином аш-Ширвани переселился в Дагестан, где прожил некоторое время, после чего эмигрировал в Османскую империю.

О племяннике Мухаммада Рафи' – Нур-ад-дине Мухаммаде аш-Ширвани – имеется информация, согласно которой он умер в 1655 г. Примечательно, что, как пишут исследователи со ссылкой на источники, Нур-ад-дин аш-Ширвани и его предки происходили из того же рода, что и основатели государства Сефевидов, и из-за своей принадлежности к ханафитскому мазхабу они подвергались серьезным гонениям. Это семейство на протяжении примерно ста с лишним лет не могло избавиться от сефевидского гнета. Дядя Нур-ад-дина аш-Ширвани, Мухаммад Рафи', по причине этих притеснений уехал в Дагестан, где стал преподавателем в одном из медресе. Долгое время Нур-ад-дин аш-Ширвани также обучался в Дагестане [29, с. 20–24].

В произведениях, переписанных Нур-ад-дином аш-Ширвани, часто встречаются ссылки на сочинения его дяди Мухаммада Рафи' аш-Ширвани, однако о жизни, дате рождения и смерти последнего никаких сведений не приведено. Тем не менее в рукописных собраниях обнаружено три сохранившихся до наших дней произведения этого автора. В трактате «Рисаля фи табакат-и фукаха'-и ас-садат аль-ханафиййа» приведены имена живших до его времени в Азербайджане ханафитских факихов, одним из которых был отец автора Мавляна 'Абд-ар-Рахим аль-'Аяви аль-Хусайни аш-Ширвани (судя по отцовской нисбе Мухаммад Рафи' происходил из числа сеййидов). В конце трактата в качестве автора указан 'алляма Рафи'-ад-дин аш-Ширвани [29, с. 26–27].

Остальные два известных нам произведения Мухаммада Рафи' аш-Ширвани являются самыми ранними из сочинений по истории Дагестана, которые могут быть атрибутированы, и поэтому рассматриваются в следующем разделе данной статьи. Согласно собранной Кямраном Абдуллаевым информации, Мухаммад Рафи' аш-Ширвани был крупным мусульманским ученым, известным под прозвищами малла Челеби, Дийа'-ад-дин и Абу-ль-Фатх, автором трудов по истории, биографии и логике. Однако происходившие во время его жизни османо-сефевидские войны, ставшие настоящим политическим потрясением для Ширвана, заставили последующие поколения о нем забыть.

Его отец ‘Абд-ар-Рахим аш-Ширвани (ум. 1024/1615 г.) являлся одним из ранних ученых-логиков в Османской империи, который написал комментарий к труду «Джихат аль-вахда». Он был учителем Мухаммада Амина аш-Ширвани, одного из авторов сочинения по логике, получившего широкую популярность в Дагестане [29, с. 27–28].

Две важных, но очень кратких маргиналии о жизни ‘Абд-ар-Рахима аш-Ширвани на Кавказе можно найти в частной коллекции рукописей, собранной Али Каяевым в Гази-Кумуке (Республика Дагестан). Первая из них содержится в рукописи сочинения «Тарих Дагестан»: «Я переписал это из старого списка, [созданного] в эпоху ‘Абд-ар-Рахима аш-Ширвани аль-Хусайни ас-Сафави, кадия Арака, когда он был разрушен турками»⁵. Можно было бы подумать, что в этой записи упоминается селение Арак, которое в настоящее время находится в Табасаранском районе Республики Дагестан. Однако в другой рукописи из той же коллекции содержится, по-видимому, более точная запись, где вместо селения Арак в ней назван Кумух⁶. Сообщение о том, что ‘Абд-ар-Рахим аш-Ширвани был кадием Кумуха, содержится и во многих других списках этого сочинения [30, с. 87–94]. Любопытно, однако, что одна из этих маргиналий причисляет его к роду Сефевидов.

Вслед за суннитской правовой традицией шло и проникновение в регион суфийских тарикатов. В конце XVI века в Дагестане начинает распространяться ветвь братства Хальватиййа, отделившегося от братства Сухравардиййа. В это же время в Дагестане начинают переписывать труды сухравардийских и хальватийских шейхов и составлять местные сочинения этих двух братств.

Проникнув в Дагестан через Ширван, это братство сначала появилось в Южном Дагестане [31, с. 105–111; 32, с. 97–102; 33, с. 179–188]. Постепенно продвигаясь на северо-запад, оно распространилось в Центральном Дагестане и, наконец, достигло Западного Дагестана, к тому времени совсем недавно исламизированного [34, с. 70–81]. Имеющиеся суфийские родословные этого братства свидетельствуют о существовании шейхов этой ветви в разных районах Дагестана в XVI – первой половине XVII века.

Наибольшее количество рукописей Хальватиййа было переписано в период со второй половины XVI в. по первую половину XVII в. Это соответствует эпохе, когда Хальватиййа находилось на пике своего влияния. В XVIII веке копирование этих сочинений практически прекратилось, что было связано как со сменой интеллектуального ландшафта в регионе, так и с прекращением функционирования институционализованной организации этого братства. В XIX веке интерес к трудам шейхов Хальватиййа

⁵ Мухаммад Рафи‘ аш-Ширвани. *Тарих Дагестан*. Коллекция Ильяса Каяева (г. Махачкала). Рукопись № 164. Л. 39а.

⁶ Мухаммад Рафи‘ аш-Ширвани. *Тарих Дагестан*. Коллекция Ильяса Каяева (г. Махачкала). Рукопись № 318 (б). Л. 6а.

вновь возрастает, что было связано с началом распространения в Дагестане другого суфийского братства – Накшбандийя.

Загадка происхождения рода уцмиев

В Сефевидский период в Южном Дагестане, помимо шамхальской, существовали еще две владетельные династии с уникальными титулами: уцмии Кайтага и ма'сумы Табасарана. В советской историографии сложилась традиция возводить их историю к XIV веку. Однако наше исследование показывает, что эта историография основывается преимущественно на трех поздних рукописных источниках, часто имеющих псевдографический характер.

Первый источник – это два произведения начала XVII века, составленные Мухаммадом Рафи': так называемая «История Маза» и родословная уцмия Рустам-хана⁷ [35, с. 1072–1073; 30, с. 109–149]. Второй, «Тарих Дагестан», в значительной степени зависит от сведений первого, хотя родословная Рустам-хана в нем заменена на другую, очевидно, вымышленную автором [30, с. 97–107]. Третий источник – сочинение Махмуда аль-Хунлики (Махмуда из Хиналуга) – является более оригинальным произведением в рамках дагестанской публицистической литературы [35, с. 1073–1077; 23, 17–23].

Проанализируем достоверность историографии, основанной на этих сочинениях, с помощью сравнительно-исторической критики. В оригинальном тексте Мухаммада Рафи' рассказывается, как султан Кайтага Гаданфар был убит пятью суфийскими шейхами – потомками Хамзы и 'Аббаса, сыновей 'Абд-аль-Мутталиба – во время похода на Черкесию. На его место был поставлен эмир Чубан, сын султана 'Али-бека (возможно, одного из этих шейхов), также названный потомком Хамзы. Далее описываются его политические связи: он породнился с Ма'сум-беком Табасаранским, завоевал Кумух и поставил там шамхала из своих приближенных, заключил договор с эмирами Куруша Исма'иль-беком и Хасан-беком, а также выдал дочь и сестру за сыновей шемахинского султана Фаридуна – Кей Кубада и Суляймана [30, с. 136–138].

⁷ Авторы рассматривают краткую редакцию «Истории Маза» (во всех сохранившихся списках соединенную с родословной уцмия Рустам-хана) как оригинальное произведение Мухаммада Рафи', которое легло в основу ряда других исторических сочинений, в том числе «Тарих Дагестан» и «Истории Каракайтага» [29, с. 135–140]. Пространная редакция этой истории была создана в два этапа [29, с. 112–120]. Ее начало и одну их маргиналий переписал около 1141 г.х./1729 г. н.э. Урдаш ибн Мухаммад аль-Инхали. Но именно второй переписчик, работавший не ранее 1780 г., расширил этот список за счет знакомых ему сведений из составленной в середине XVIII века книги «Тарих Дагестан» [29, с. 110]. В расширенной версии содержится и указание на дату составления рукописи (1030 г.х./1620 г. н.э.) [29, с. 114]. Кроме того, в той же рукописи сохранилась пометка Мухаммада Рафи' о том, что в 1016 г.х./1607–1608 г. н.э. он побывал в селении Маза [29, с. 119]. Предполагаемый автограф сочинения Мухаммада Рафи' находится в коллекции Али Каяева, поэтому об археографии рукописей можно судить на его основе, а также сопоставляя пространную и краткую редакции (последняя представлена девятью списками).

Султана Фаридуна Б.Г. Малачиханов отождествлял с ширваншахом Афридуном ибн Фарибурзом (1105–1120), а А.Е. Криштопа – с хаджи Фаридуном, управлявшим Ширваном при плененном ширваншахе Кавусе (1348–1372) [36, с. 192–194; 1, с. 136–137]. Однако сюжет «Истории Маза» обнаруживает параллели с соглашением 1499–1500 гг. между султаном Чупанилавом и тухумом Эргенов. В нем говорится, что Эргены убили своего прежнего султана (имя Гаданфар не названо), потеряв двух родичей, и признали власть Чупанилава. Позже они поселили на своей земле двенадцать домов беглых рабов, которых затем перебил Чупанилав, после чего получили от него землю по уступке шамхала [37, с. 234–235]. Чупанилав из договора не только является тезкой персонажа «Истории Маза», но и, подобно ему, связан земельными отношениями с шамхалом.

Более того, если лица из нарративного и актового источников тождественны, то в «Истории Маза» описывается последний поход шейха Хайдара Сефеви на Черкесию, в ходе которого в 1487 году был разграблен и Кайтаг. Мухаммад Рафи' указывает на пятитысячную численность войска газиев, что совпадает с оценкой сил шейха Хайдара, данной анонимным итальянским купцом [30, с. 115, 136; 38, с. 115]. Рафи' также пишет, что перед походом газии с двухтысячным войском побывали в Мекке, Медине, Шаме и Мисре. Известно, что в армии шейха Хайдара были суфии из Талыша, Караджадага, Рума и Шама, о чем сообщает Фазлуллах (Фадль-Аллах) ибн Рузбихан Хунджи [30, с. 112, 136; 39, с. 82, 86]. Кроме того, в 1480 году сюзерен шейха Хайдара, султан Ак-Коюнлу Йа'куб, воевал с мамлюками, контролировавшими тогда Хиджаз, Сирию и Египет [39, с. 61–63]. Это позволяет предположить, что султан Гаданфар был убит во время разорения Кайтага суфиями шейха Хайдара.

В начале «Истории Маза» содержится хронологическое указание «по прошествии двухсот лет от хиджры Пророка» [30, с. 112, 136]. Вероятно, автор использовал более ранний источник, но датировка 200 г.х. является его собственной конъектурой [30, с. 119, 140], поскольку суфийские тарикаты, организовывавшие походы против неверующих, возникли лишь в XII веке. Косвенным подтверждением того, что в действительности описываются события 1487 года, служит зависимость от текста Рафи' «История Амиркаландара», где составитель добавил упоминание о султани Хайдаре (Сефеви) [30, с. 147–148]. Таким образом, Мухаммад Рафи', пытаясь датировать деятельность суфийских братств столь ранним периодом, допустил грубый анахронизм.

Во втором произведении Мухаммад Рафи' приводит родословную курайшитов, нисходящую от Адама к 'Аммаре ибн Хамзе, двоюродному брату пророка Мухаммада. Затем он перечисляет имена семи связующих звеньев до шейха Абу-Исхака Ибрахима и шести последующих предков, завершая эту цепочку султаном Мухаммадом – отцом султана 'Али-бека. Вероятно, эта часть генеалогии была сконструирована самим Рафи' для согласования с предложенной в «Истории Маза» ранней датировкой, хотя она про-

тиворечит используемому им источнику, где Абу-Исхак и 'Али-бек позиционируются как современники.

Основной интерес представляет часть родословной, связывающая султана Мухаммада и уцмья Рустам-хана, которая отличается перечислением титулованных предков. Для сравнительного анализа привлечены четыре списка: предполагаемый автограф (А), список Французской национальной библиотеки (Ф), список Института истории, археологии и этнографии (И) и список библиотеки Сулейманийа (С). Количество поколений в них различается.

Список А содержит двенадцать поколений уцмиев⁸. В списке Ф, приобретенном А.П. Берже в 1860 г., в четвертое поколение от конца добавлен уцмий Хасан-'Али [35, с. 1072–1073]. Список И включает имена Бек-Киши-хана и Ахмад-бека, помещенных на одно поколение выше, как братьев одного из предков этого рода⁹. В списке С эти добавления совмещены, причем Бек-Киши-хан показан как брат (а не дядя) уцмья Хасан-'Али. Эти разночтения отражают редакторские правки в поздних версиях генеалогии¹⁰.

При анализе родословной обнаруживается, что некоторые лица упомянуты в ней дважды. Особое внимание следует уделить последним четверем представителям, носившим уникальный титул уцмья: Хасан-'Али, Султан-Ахмад, Хан-Мухаммад и Рустам-хан. О Хасан-'Али, первом носителе этого титула, кроме имени ничего не известно, но он должен был занять престол не позднее 1552 года, поскольку именно к этому времени относится древнейшее анонимное упоминание уцмья в кабардинской песне [40, с. 69–76; 41, с. 114–118].

Его сын, Султан-Ахмад, был уцмием во время османского завоевания Дагестана в 1578 году и умер в 1588 году. Внук, Хан-Мухаммад, скончался в 1596/97 году [42, с. 108–109; 43, с. 129]. Рустам-хан стал уцмием около 1609 года, убив своего старшего брата Амир-Хамзу, и правил примерно до 1645 года [30, с. 199–200]. Вероятно, именно Рустам-хан был заказчиком сочинения Мухаммада Рафи', так как автор исключил из родословной имя ненавистного ему старшего брата, но упомянул младшего – Султан-Мухаммада, а в некоторых списках также их брата Устар-хана [35, с. 1072].

Четырьмя поколениями выше первого уцмья в родословной помещено имя Улубия, также названного сыном Султан-Мухаммада. Эта деталь необычна не только из-за дублирования имен, но и из-за отсутствия у Улубия какого-либо титула, что нетипично для данной части генеалогии. Между тем другие источники знают Улубия как уцмья Кайтага в 1660-х годах и называют его сыном Рустам-хана [30, с. 194; 42, с. 123–124].

⁸ Мухаммад Рафи' аш-Ширвани. Ансаб усуми Хайдак ва та'рих Мада. Коллекция Ильяса Каяева (г. Махачкала). Рукопись № 311.

⁹ *История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков*. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286.

¹⁰ *Китаб насаб-наме умара' Кайтак*. Сулейманийа Кютюбханеси. № 328.

Учитывая распространенность в дагестанской традиции дефектных генеалогий, где разные ветви рода искусственно объединены в линейную последовательность, можно предположить, что здесь мы имеем дело именно с таким случаем. В частности, в родословной схеме списка С именно так на первый взгляд выглядит связь Хасан-‘Али и Бек-Киши-хана – можно подумать, что первый из них приходится внуком второму¹¹ [44, с. 182; 18, с. 98]. Отсутствие титула у Улубия в родословной может объясняться тем, что на момент ее составления он был несовершеннолетним. Информативная ценность источника заключается в том, что, по-видимому, информант Мухаммада Рафи’ знал Улубия как сына не самого Рустам-хана, а его брата Султан-Мухаммада. Это предположение подтверждается тем, что сыновья Рустам-хана (Мухаммад и Гирей-хан) похоронены в родовом некрополе уцмиев в Кала-Курайше, тогда как могила Улубия там отсутствует [43, с. 130].

Столетие спустя было создано сочинение «Тарих Дагестан» [2, с. 100–101], одним из основных источников которого стала «История Маза». Однако автор произвольно изменил составленную Мухаммадом Рафи’ генеалогию, преобразовав ее в общую родословную шамхалов, уцмиев и ма’сумов. При этом он отказался от воспроизведения родословной курайшитов, а имена остальных персонажей частично сократил, частично изменил, поменял их местами и добавил несколько новых. Поскольку в произведении Рафи’ указана близость эмира Чубана к шамхалу, последний представлен его внучатым племянником в седьмом поколении.

Таким образом, в фиктивную шамхальскую генеалогию оказались инкорпорированы имена второго, третьего и четвертого уцмиев – Султан-Ахмада, Хан-Мухаммада и Амир-Хамзы, хотя порядок их преемственности был слегка изменен [30, с. 100–102]. Тот факт, что вместо имени уцмий Рустам-хана в «Тарих Дагестан» указано имя убитого им старшего брата Амир-Хамзы, по-видимому, отражает политические симпатии составителя.

Вероятно, со стопроцентной надежностью реконструировать генеалогию уцмиев на основе сведений Мухаммада Рафи’ невозможно, но если переместить вниз родословной описанный фрагмент и исключить дублирование еще трех имен (султана или эмира Мухаммада и Чубана), то получится, что у эмира Чубана было два сына – Сурака и Шамхал, а у последнего – двое потомков: Бек-Киши-хан и уцмий Хасан-‘Али. Такая реконструкция выглядит правдоподобно, учитывая, что султан Чупанилав был владельцем Кайтага в 1499 г., а Хасан-‘Али стал уцмием не позднее 1552 г.

Третий источник – сочинение Махмуда аль-Хунлики – стоит особняком, так как посвящен преимущественно ширванским событиям и не получил широкого распространения. Известны лишь два его списка: арабоязычный оригинал и тюркский перевод 1870 года [23, с. 11]. Датировка оригинала проблематична: автор указал 1456/57 год, но приложил

¹¹ Китаб насаб-наме умара’ Кайтак. Сулейманийа Кютюбханеси. № 328. Л. 25а.

фирман шаха Мухаммада Худабенде (1578–1587), ложно датированный 1466/67 годом [23, с. 24; 35, с. 1077]. Встречаются и другие анахронизмы, например, ширваншах Гаршасп (1204–1225) назван современником Тимура (1370–1405) [23, с. 17–20].

Эти черты характерны для псевдобиографического жанра, распространившегося в Дагестане после падения Сефевидов в XVIII веке. Очевидно, автор жил значительно позже эпохи Мухаммада Худабенде, иначе не допустил бы хронологической путаницы. Кроме того, его произведение обнаруживает знакомство с «Хроникой кайтагских уцмиев» и «Историей Маза» – популярными в Дагестане историческими сочинениями. Это указывает на компилятивный характер труда, в котором поздние сведения искусственно совмещены с более ранними событиями.

По сути, Махмуд аль-Хунлики создал апокриф «Истории Маза». Вместо рассказа об эмире Чубане он посвятил повествование Илчав-Ахмаду, представленному как брат отца султана 'Алибека и второй сын султана Мухаммада, а также его потомкам. Согласно сочинению Махмуда, от Илчав-Ахмада в Ширване вели свой род беки Докузпары, Калханы, Рустау, Кабалы, Ахты, Мискинджи, Микраха, Куры, Кураха, Хины, Хиналуга, Мазы, Хачмаза и Табасарана [23, с. 17–23].

Однако Махмуд не стал копировать родословную уцмиев Мухаммада Рафи', а написал противоречивый пассаж, где несколько раз повторяются имена султана Мухаммада и его двух сыновей [23, с. 17]. При внимательном рассмотрении становится ясно, что автор жил в середине XVIII века: он дает разъяснения, что «Илчав» – это прозвище уцмий Ахмад-хана (1711–1749), сына уцмий Улубия [30, с. 194; 42, с. 123–124].

Другая деталь проясняется при изучении некрополя уцмиев в Кала-Курайше: имя Султан, вклинившееся между султаном Мухаммадом и его «сыновьями», на самом деле принадлежало сыну Хан-Мухаммада – старшего наследника Ахмад-хана [43, с. 131; 45, с. 323]. Махмуд аль-Хунлики ошибочно назвал Хан-Мухаммада уцмием, хотя тот так и не унаследовал отцовский титул. Любопытной деталью сочинения Махмуда аль-Хунлики является указание, что Бек-Киши-хан – это всего лишь прозвище уцмий 'Алибека, тогда как в рукописи Сулеймании этот персонаж фигурирует как брат уцмий Хасан-'Али [23, с. 17; 46, с. 952]. Действительно, в генеалогии уцмий Рустам-хана имя Бек-Киши-хана, подобно имени Улубия, употреблено без титула.

Обратимся к фольклорному описанию битвы у Чегемского рва в 1552 году, записанному Ш.Б. Ногмовым [41, с. 117–118]. Согласно представленным им сведениям, участвовавшие в сражении кайтагцы («хаданский народ») назвали место битвы Кишибек. Это название тождественно прозвищу уцмий 'Алибека в заметках Махмуда аль-Хунлики и имени брата Хасан-'Али в родословной из Сулеймании. Следовательно, вероятнее всего, «Бек-Киши-хан» – не личное имя, а прозвище уцмий Хасан-'Али, полученное им за участие в Кишпекской битве.

В обеих родословных султан Мухаммад назван основателем дома уцмиев. Это лицо историческое: данное имя носил старший сын ширваншаха Фарруха-Ясара, при жизни отца имевший титул шамхала (и, вероятно, участвовавший в соглашении между султаном Чупанилавом и Эргенами), а после его смерти недолго правивший Ширваном [6, с. 604–605].

В расширенной редакции «Истории Маза», хотя и отсутствует родословная уцмия Рустам-хана, имеется маргиналия Мухаммада Рафи' от 1607/08 г., отсутствующая в краткой версии. Там также указано участие Суляйман-Мухаммада в конфликте эмира Чубана с султаном Фаридуном, [30, с. 118–119, 138–139]. Т.М. Айтберов справедливо считает это имя искаженным обозначением султана Мухаммада [30, с. 126–127]. Ранее отмечалось, что, согласно тексту, на сестре Чубана женился сын Фаридуна – Суляйман (в расширенной редакции – Сальман) [30, с. 118, 138].

Вероятно, изначально у Рафи' вместо «Суляймана» должно было стоять «Султан-Мухаммад», а вместо «Фаридуна» – «Фаррух-Ясар» (он действительно участвовал в разгроме суфиев шейха Хайдара). В таком случае Хасан-бек (один из эмиров Куруша), скорее всего, и является Асанбегом – послом, отправленным ширваншахом Фаррухом-Ясаром к великому князю Ивану III не позднее 1466 г. [30, с. 138; 47, с. 11–12]. Таким образом, инкорпорированный в родословную уцмиев султан Мухаммад, по-видимому, в действительности был шурином эмира Чубана.

В «Истории Маза» содержится любопытный пассаж о шамхале «из числа близких» эмира Чубана [30, с. 116, 137]. Помимо этимологии титула, этот фрагмент можно интерпретировать как отсылку к древнему обычаю табуирования имен (распространившемуся в Дагестане через монгольское влияние), запрещавшему называть ребенка в честь живого родственника. Отрывок можно понять как объяснение имени сына Чубана – эмира Шамхала, которого называли в честь его родственника султана Мухаммада, но из-за табу использовали вместо личного имени его титул.

Предпринятая авторами деконструкция текста не может полностью восстановить искаженные исторические реалии, поскольку отсутствуют аутентичные источники XVII века, которыми пользовался Мухаммад Рафи'. Однако неправомерно приравнивать «Историю Маза» к таким квазиисторическим памятникам, как «Тарих Дагестан» или сочинение аль-Хунлики. Для труда Рафи' характерен определенный рационализм. Но необходимо учитывать, что автор был вынужден переселиться из Сефевидского государства в Османскую империю из-за религиозных преследований со стороны шиитов. Этим может объясняться изъятие им из генеалогии сведений об уцмии Хасан-‘Али, носившем характерное для шиитов имя, а также намеренное искажение информации о походе шейха Хайдара, главы шиитского тариката Сафавийя, в то время как сам Рафи' был суннитом-ханафитом.

Причина, по которой в данной работе оспариваются сведения дагестанской рукописной традиции, заключается в том, что все три источника, посвященные генеалогии уцмиев, прямо противоречат друг другу. Такое возможно лишь в случае, когда предлагаемая информация изначально не соответствует действительности. Кроме того, про странная генеалогия уцмиев вступает в коллизию с данными исторических источников.

Согласно материалам некрополя Кала-Курайша, в эпоху Монгольской империи владельцами здесь была другая фамилия, зафиксированная в трех надгробных эпитафиях. По ним реконструированы имена четырех поколений: 'Умар, его сын Хиздан, внук Ахсабр и правнук Шабаз [43, с. 80]. Последний был захоронен в 1337/38 или 1381/82 году [43, с. 85–86]. Все представители, кроме основателя, носят редкие иранские имена, а их саркофаги выполнены в стиле, характерном для домонгольского сельджукского искусства. Вероятно, эти надгробия созданы кочевыми подданными Хулагуидов, состоявшими в основном из туркменских племен.

По данным Афанасия Никитина, в 1466 году владельцем Кайтага был Алильбег, шурин Фарруха-Ясара [47, с. 12]. Учитывая, что автор передал имя Хасан-бека как Асанбег, можно предположить, что Алильбег – это транскрипция имени Халиль-бек. Возможно, Халиль-бек был потомком Шабаза и отцом султана Гаданфара. Из османских реестров 1581, 1583 и 1586 годов известен Бойбеги Халиль-бек [48, с. 313, 314, 441]. Он же упомянут в русской отписке как «Халебек князь», владелец «кабака Утемишева» [49, с. 293]. Этот Халиль-бек был основателем рода утемишских султанов – правителей небольшого округа в административной системе Сефевидов, имевших в шамхальстве статус карачи-беков. Утемиш граничил с владениями уцмиев, а в XV веке, вероятно, входил в состав Кайтага. Совпадение имен позволяет предположить, что утемишские султаны были связаны с предшествующими правителями Кайтага.

Несмотря на явную фальсификацию начала генеалогии уцмиев во всех трех источниках, в них содержится рациональное зерно. Все они, так или иначе, указывают на родство уцмиев с шамхалами и ма'сумами. В первом и третьем источниках их родословная выводится от шамхала султана Мухаммада, во втором сконструировано общее генеалогическое древо, названное «ханско-хаканскими поколениями». В третьем также утверждается, что из рода уцмиев происходят беки почти всего северного Ширвана. Общность происхождения подтверждается тем, что после пресечения рода цахурских султанов уцмии унаследовали их документы, включая рукопись Махмуда аль-Хунлики [23, с. 3].

Однако простое сопоставление родословной ширванской знати и ветви уцмиев показывает, что ситуация была обратной. Сочинение аль-Хунлики по жанру близко к псевдобиографическому «Тузук-и Темури», созданному по заказу Великих Моголов [50, с. 4–5, 7]. Нет исторических подтверждений службы уцмиев Тимуру, благодаря которой они якобы получили земли в Ширване. Напротив, очевидно, что уцмии происходили из среды ширванской знати. В «Дербенд-наме» конца XVII века Кайтаг и Зи-

рих-Геран отнесены к округу Дербента, входившего тогда в ширванский вилайет Сефевидов [30, с. 34]. Однако, вероятно, эти сведения отражают реалии рубежа XVI–XVII веков, поскольку уже в 1666 году Эвлия Челеби называет Кайтаг и Кубачи частью вилайета Дагестан [51, с. 117–118].

***

Данная статья начиналась с критики научного наследия А.Е. Криштопы – крупнейшего современного специалиста по истории Дагестана. Справедливости ради следует отметить, что без его масштабной работы по систематизации исторических источников написание данной публикации было бы невозможно. Именно он заложил основы сравнительно-исторической критики дагестанских историко-публицистических произведений. Тем не менее пришло время дать оценку его исследованиям, поскольку с позиций современных достижений некоторые из его выводов представляются спорными.

В частности, в его фундаментальной монографии «Дагестан в XIII – начале XV вв.» горные общества позиционируются как независимые мини-системы, существовавшие вне влияния Монгольской империи [1, с. 6–7]. Однако значительная часть работы посвящена именно войнам за Дербент между улусами Джучи и Хулагу. Сегодня мы видим этническую карту, сложившуюся в результате этих конфликтов: потомки золотоордынцев (кумыки) населяют северную часть прикаспийской равнины, а потомки их противников – кочевых подданных Хулагуидов – обитают в округе Дербента, где известны как терекеменцы. Уже много столетий эти тюркоязычные народы живут на тех же землях, где их предки, согласно исследованию Криштопы, вели войны за территорию Дагестана.

Но А.Е. Криштопа не считал кумыков наследниками золотоордынских нукеров, поселившихся на Терской равнине для службы в пограничном войске [1, с. 76–79]. Напротив, он ссылался на советскую традицию, связывавшую их происхождение с кипчаками, которые, по сообщению Ибн-аль-Асира, бежали в горы после поражения от Субэдэя [1, с. 64]. Однако при внимательном изучении «аль-Камиль фи-т-та’рих» выясняется, что речь в нем идет о крымских горах [21, с. 26]. Кроме того, возникает вопрос: какое отношение горы имеют к происхождению кумыков, испокон веков населяющих равнину? Советские историографы игнорировали эту логику, поскольку после Постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 года изучение истории Золотой Орды и проведение параллелей с современными народами было запрещено¹².

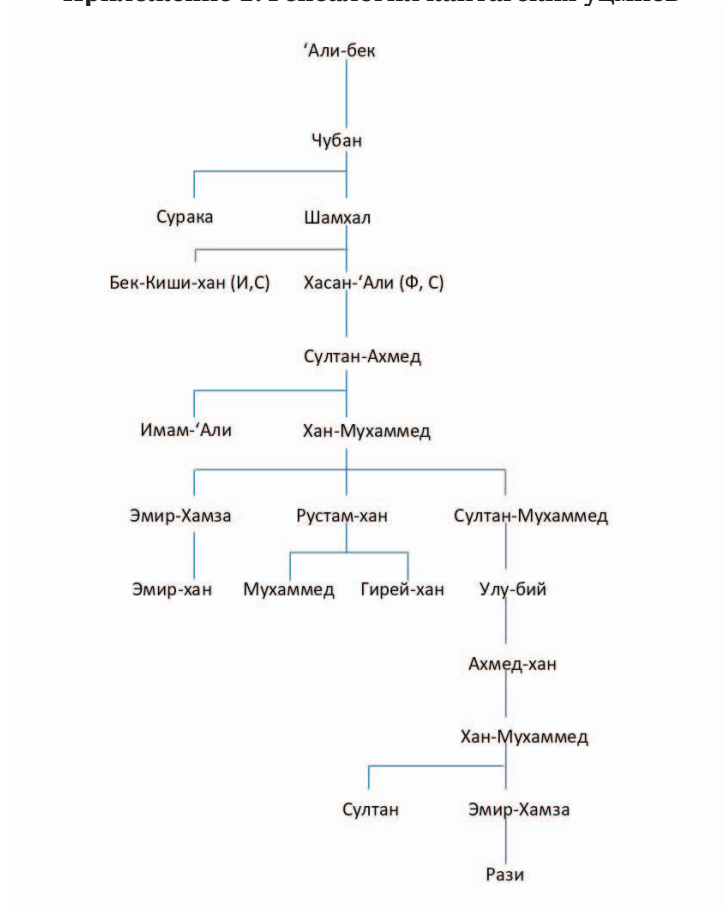
---

¹² Постановление бюро обкома ВКП(б) 6 сентября 1944 г. «О работе и ошибках Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории»: Центральный государственной архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1143. Л. 51–69.

Авторам представляется, что А.Е. Криштопа слишком последовательно придерживался советских взглядов и использовал дагестанские псевдобιοграфические сочинения XVIII века для их обоснования. Данное исследование показывает, что Дагестан еще до монголов входил в состав владений ширваншахов (кроме Аварии, подконтрольной Грузии). Его отделение от Ширвана произошло вследствие разграничения территорий между улусами Джучи и Хулагу. В результате появилась ветвь ширваншахского рода, получившая название шамхальской. Позднее ширваншахам удалось вновь объединить земли по обе стороны Кавказского хребта. При Сефевидах были образованы два отдельных вилайета – Ширван и Дагестан, но граница между ними оставалась подвижной. Главный вывод публикации заключается в том, что невозможно изучать прошлое в отрыве от настоящего, а исследование исторического источника следует начинать с изучения личности и мировоззрения его создателя.

Приложение 1. Генеалогия кайтагских уцмиев

Литература

1. Криштопа А.Е. *Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории*. М.: Издательская группа «Мамонт»; 2007. 228 с.
2. Шумкин А.В. *Авары между Кавказом и Паннонией*. М.: Квадрига; 2021. 160 с.
3. Ибн Хордадбех. *Книга путей и стран*. Велиханова Н. (пер.). Баку: Элм, 1986. 428 с.
4. Баладзори. *Книга завоевания стран*. Материалы по истории Азербайджана. Вып. III. Жузе П.К. (пер.). Баку: Общество обследования и изучения Азербайджана; 1927. 42 с.
5. Минорский В.Ф. *История Ширвана и Дербенда X-XI веков*. М.: Восточная литература; 1963. 266 с.
6. Ашурбейли С. *Государство Ширваншахов*. Баку: Əbilov, Zeynalov və oğulları; 2006. 712 с.
7. Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. *Шараф-наме*. Васильева Е.И. (пер.). Т. 1. М.: Наука; 1967. 620 с.
8. *Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асира*. Жузе П.К. (пер.). Баку: АзФан; 1940. 183 с.
9. Бартольд В.В. *Работы по исторической географии*. М.: Восточная литература; 2002. 711 с.
10. *Тарих-и Систан («История Систана»)*. Смирнова Л.П. (пер., введ. и комм.). М.: Наука; 1974. 575 с.
11. Бейлис В.М. Из наблюдений над текстом Мас'уда ибн Намдара, II. Стихи и афоризмы Мас'уда ибн Намдара. *Письменные памятники Востока*. 1970. М.: Наука; 1974. С. 5–44.
12. Шихсаидов А.Р. *Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.)*. Махачкала: Типография дагестанского филиала АН СССР; 1969. 252 с.
13. Рашид ад-Дин. *Переписка*. Фалина А.И. (пер.). М.: Наука; 1971. 498 с.
14. Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. *Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны)*. Издание критического текста, пер. с арабск., предисл., комм., прим. и указ. З.М. Бунятова. М.: Восточная литература; 1996. 798 с.
15. Каяев Али. *Лакский язык и история*. М.: Наука; 2006. 550 с.
16. Шихсаидов А.Р. *Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник*. М.: Наука; 1984. 464 с.
17. *Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в.* Т. 1. Бобровников В.О. (сост. и отв. ред.). М.: Изд. Дом Марджани; 2009. 248 с.

18. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Результаты эпиграфической экспедиции в Дахадаевский район Дагестана в 2020 г. *История, археология и этнография Кавказа*. 2021;17(4):1084–1129.
19. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв.* Лавров Л.И. (тексты, пер., комм., введ. и прилож.). М.: Наука; 1966. 300 с.
20. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. *Полное собрание русских летописей*. Т. III. М.: Издательство «Языки русской культуры»; 2000. 720 с.
21. *Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения*. М.: Наука; 2003. 448 с.
22. Шараф ад-Дин Али Йазди. *Зафар-наме*. Ахмедов А. (пер. со староузбек., предисл., комм., указатели и карта). Ташкент: San'at; 2008. 486 с.
23. Махмуд из Хиналуга. *События в Дагестане и Ширване XIV-XV вв.* Шихсаидова А.Р. (пер. с араб., сост., предисл., коммент. и прил.). Махачкала: Дагестанское книжное издательство; 1997. 206 с.
24. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. 3. М.-Л: АН СССР; 1946. 340 с.
25. Багров Л.С. *Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря*. СПб., 1912. 112 с.
26. Айтберов Т.М., Шехмагомедов М.Г., Хапизов Ш.М. Опыт исследования биографий средневековых мусульманских ученых-богословов Кавказа (на примере Али ал-Кили). *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2013;2:34:11–18.
27. Халаев Захид Али Оглы. Малла Мухаммад ал-Голоди – известный мусульманский ученый и просветитель XVII века. *Взаимодействие государства и религиозных объединений: современное состояние и перспективы. Материалы Северокавказской научно-практической конференции*. Ханбабаев К.М. (сост.). Махачкала: Юпитер; 2003. С. 116–125.
28. Shikhaliev Shamil. Taqlid and Ijtihad over the Centuries: The Debates on Islamic Legal Theory in Daghestan, 1970–1920. *Shari'a in the Russian Empire. The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550–1917*. Paolo Sartori and Danielle Ross (eds.) Edinburgh: Edinburgh University Press; 2020, pp. 239–280.
29. Abdullayev Kamran & Türkmen Ersan. *Bir Muhacirlik Öyküsü ve İlimlerin Sınflandırılması. Nureddin Şirvânî ve Merâtibu'l-Ulûm Risalesi Tahkik, Tahlil, Tercüme*. Ankara: İlahiyât Yayınları; 2023. 208 с.
30. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. *Дагестанские исторические сочинения*. М.: Наука; 1993. 302 с.

31. Закарияев З.Ш. Средневековый дагестанский суфий Шейх Амир ал-Мишлиши и его зийарат в селении Мишлеш. *Исламоведение.* 2011;3:9:105–111.
32. Закарияев З.Ш. Новые данные арабоязычных эпиграфических памятников по истории суфизма в Дагестане. *Исламоведение.* 2012;4:14:97–102.
33. Айтберов Т.М. Эпитафии шейхов Сафавийя, Халватийя и Сухравардия в Дагестане: к истории ирано-дагестанских связей XV в. *Дагестан и мусульманский Восток.* Аликберов А.К., Бобровников В.О. (сост. и отв. ред.). М.: Марджани; 2010. С. 179–188.
34. Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Суфийский орден Халватийя в горной Аварии: новые страницы истории суфизма в средневековом Дагестане (XVI–XVII вв.). *Исламоведение.* 2017;8(1):70–81.
35. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией:* Т. I. Берже А.П. (под ред.). Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского; 1868. 816 с.
36. Малачиханов Б. *О прошлом Аварии.* Махачкала, 1928. 11 с.
37. Айтберов Т.М. Документы по истории средневекового Дагестана (нач. XV – конец XVI вв.). *Вопросы истории Дагестана (Досоветский период).* Вып. II. Махачкала: ИИЯЛ ДагФ АН СССР; 1975. С. 231–240.
38. Криштопа А.Е. Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане. *Вопросы истории и этнографии Дагестана.* Сборник научных сообщений. Вып. I. Махачкала: ДГУ; 1970. С. 110–123.
39. Фазлуллах ибн Рузбихан Хунджи. *Тарих-и алам-ара-йи амины.* Минорский В.Ф. (пер. с перс. на англ., введ., прил. и комм.), Минорская Т.А. (пер. с англ. на рус.). Баку: Элм; 1987. 170 с.
40. Ногма Ш.Б. *Филологические труды.* Т. I. Турчанинов Г.Ф. (иссл. и подг. к печ.). Нальчик: Кабардинское книжное издательство; 1956. 308 с.
41. Ногмов Ш.Б. *История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев.* Кумыков Т.Х. (вступ. ст. и подг. текста). Нальчик: Эльбрус; 1994. 232 с.
42. Бакиханов Аббас-Кули-ага. *Гюлистан-и Ирам: Из истории Ширвана и Дагестана с древнейших времен до 1913 г.* Буниятов З.М. (ред., коммент., примеч. и указ.). Баку: Элм; 1991. 304 с.
43. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. *Эпиграфика некрополя уцмиев в Кала-Корейше.* Махачкала: ИД «МавраевЪ»; 2019. 180 с.
44. Айтберов Т.М. Источники по истории Аварии XVI–XVII вв. *Развитие феодальных отношений в Дагестане.* Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР; 1980. С. 179–194.
45. Броневский С.М. *Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеновым Броневским.* Павлова И.К. (подг. текста, предисл., примеч., словарь малоупотребительных слов, указ.). СПб.: Петербургское Востоковедение; 2004. 464 с.

46. Полчаева Ф.А., Мусаев М.А., Алибеков Х.Г. Генеалогия уцмийского рода по нарративу «Хроника Махмуда из Хиналуга». *История, археология и этнография Кавказа*. 2023;19(4):934–945.

47. *Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг.* Лурье Я.С. и Семёнов Л.С. (изд. подготов.). Лурье Я.С. (отв. ред.). М.-Л.: АН СССР; 1958. 214 с.

48. Kirzioglu Fahrettin. *Osmanlilar'ın Kafkas-elleri'ni fethi (1451–1590)*. Ankara, 1993. 568 s.

49. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. *Материалы, извлеченные из главного архива Министерства иностранных дел. 1578–1613 гг.* Вып. 1. М., 1889. CLX+584 с.

50. *Уложение Темура*. Ахмедов Б. (отв. ред.); Согуний А., Кароматов Х. (перс. с фарси). Ташкент: Изд.-полигр. Об-ние им. Г. Гуляма; 1999. 142 с.

51. Эвлия Челеби. *Книга путешествия*. Вып. 2. Желтяков А.Д. (сост. и отв. ред.). М.: Наука; 1979. 288 с.

References

1. Krishtopa A.E. *Dagestan v XIII – nachale XV vv. Ocherk politicheskoi istorii* [Dagestan from the Thirteenth to the Early Fifteenth Century: an Essay in Political History]. Moscow: Mamont Press; 2007. 228 p. (In Russian)

2. Shumkin A. V. *Avary mezhdū Kavkazom i Pannoniei* [The Avars between the Caucasus and Pannonia]. Moscow: Kvadriga Press; 2021. 160 p. (In Russian)

3. Ibn Khordadbeḥ. *Kniga putei i stran* [The Book of Routes and Realms]. Velikhanova N. (tr.). Baku: Elm Press; 1986. 428 p. (In Russian)

4. Baladzori. *Kniga zavoevaniya stran* [From al-Balādhurī's Kitāb Futūḥ al-Buldan: "On the Conquest of the Lands"]. Materialy po istorii Azerbaidzhana [Materials on the History of Azerbaijan]. Vol. 3. Zhuzé P.K. (tr.). Baku: Society for the Survey and Study of Azerbaijan; 1927. 42 p. (In Russian)

5. Minorskii V.F. *Istoriya Shirvana i Derbenda X-XI vekov* [The History of Shirvan and Derbend in the Tenth-Eleventh Centuries]. Moscow: Oriental literature Press; 1963. 266 p. (In Russian)

6. Ashurbeili S. *Gosudarstvo Shirvanshakhov* [The State of the Shirvanshahs]. Baku: Əbilov, Zeynalov və oğulları Press; 2006. 712 p. (In Russian)

7. Sharaf-khan ibn Shamsaddin Bidlisi. *Sharaf-name*. Vol. 1. Vasilieva E.I. (tr.). Moscow: Nauka Press; 1967. 620 p. (In Russian)

8. *Materialy po istorii Azerbaidzhana iz Tarikh-al-kamil' (polnogo svoda istorii) Ibn-al-Asira* [Materials on the History of Azerbaijan from Ibn al-Athīr's al-Kamil fi-l-ta'rikh]. Zhuzé P.K. (tr.). Baku: AzFan Press; 1940. 183 p. (In Russian)

9. Bartold V.V. *Raboty po istoricheskoi geografii* [Studies in Historical Geography]. Moscow: Oriental literature Press; 2002. 711 p. (In Russian)
10. *Tarikh-i Sistan* ("Istoriya Sistana") ["The History of Sistan"]. Smirnova L.P. (tr., introd. and comm.). Moscow: Nauka Press; 1974. 575 p. (In Russian)
11. Beilis V.M. "Iz nablyudenii nad tekstom Mas'uda ibn Namdara, II. Stikhi i aforizmy Mas'uda ibn Namdara" ["Observations on the Text of Mas'ud ibn Namdar, II: The Poems and Aphorisms of Mas'ud ibn Namdar"]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written Monuments of the Orient]. Moscow: Nauka Press; 1974, pp. 5–44. (In Russian)
12. Shikhsaidov A.R. *Islam v srednevekovom Dagestane (VII-XV vv.)* [Islam in Medieval Dagestan (7th–15th Centuries)]. Makhachkala, 1969. 252 p. (In Russian)
13. Rashid ad-Din. *Perepiska* [Correspondence]. Falina A.I. (tr.). Moscow: Nauka Press; 1971. 498 p. (In Russian)
14. Shikhab ad-Din Mukhammad an-Nasavi. *Sirat as-sultan Dzhahal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhahal ad-Dina Mankburny)* [Life of Sultan Jalal al-Din Mangburni]. Bunyatov Z.M. (ed., tr., introd. and comm.). Moscow: Oriental literature Press; 1996. 798 p. (In Russian)
15. Kayaev Ali. *Lakskii yazyk i istoriya* [The Lak Language and History]. Moscow: Nauka Press; 2006. 550 p. (In Lak)
16. Shikhsaidov A.R. *Epigraficheskie pamyatniki Dagestana X-XVII vv. kak istoricheskii istochnik* [Epigraphic Monuments of Dagestan of the Tenth–Seventeenth Centuries as a Historical Source]. Moscow: Nauka Press; 1984. 464 p. (In Russian)
17. *Obychai i zakon v pis'mennykh pamyatnikakh Dagestana V – nachala XX v.* [Custom and Law in the Written Monuments of Dagestan from the Fifth to the Early Twentieth Century]. Vol. 1. Bobrovnikov V.O. (ed.). Moscow: Marjani Publishing House; 2009. 248 p. (In Russian)
18. Musaev M.A., Shikhaliev Sh.Sh., Shekhmagomedov M.G. "Rezultaty epigraficheskoi ekspeditsii v Dakhadaevskii raion Dagestana v 2020 g." ["Results of the 2020 Epigraphic Expedition to the Dakhadaev District of Dagestan"]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus]. 2021;17(4):1084–1129. (In Russian)
19. *Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh* [Epigraphic Monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian, and Turkic]. Lavrov L.I. (ed.). Moscow: Nauka Press; 1966. 300 p. (In Russian)
20. "Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov" ["The Novgorod First Chronicle, Older and Younger Recensions"]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 3. Moscow: Languages of the Russian Culture; 2000. 720 p. (In Russian)

21. *Zolotaya Orda v istochnikakh. T. 1. Arabskie i persidskie sochineniya* [The Golden Horde in the Sources Vol. 1: Arabic and Persian Works]. Moscow: Nauka Press; 2003. 448 p. (In Russian)
22. Sharaf ad-Din Ali Yazdi. *Zafar-name*. Akhmedov A. (tr.). Tashkent: San'at; 2008. 486 p. (In Russian)
23. *Makhmud iz Khinaluga. Sobytiya v Dagestane i Shirvane XIV-XV vv.* [Mahmud of Khinalug. Events in Dagestan and Shirvan in the 14th-15th Centuries]. Shikhsaidov A.R. (tr. and ed.). Makhachkala: Daghestan Book Publishing House; 1997. 206. (In Russian)
24. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisei* [Compendium of Chronicles]. Vol. 3. Moscow-Leningrad: the USSR Academy of Sciences Publ.; 1946. 340 p. (In Russian)
25. Bagrov L.S. *Materialy k istoricheskomu obzoru kart Kaspiiskogo morya* [Materials for a Historical Survey of Maps of the Caspian Sea]. St. Petersburg, 1912. 112 p. (In Russian)
26. Aitberov T.M., Shekhtagomedov M.G., Khapizov Sh.M. Opyt issledovaniya biografii srednekovykh musul'manskikh uchenykh-bogoslovov Kavkaza (na primere Ali al-Kili) [Towards a Study of the Biographies of Medieval Muslim Scholars of the Caucasus (The Case of 'Ali al-Qili)]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography]. 2013;2:34:11–18. (In Russian)
27. Khalaev Zakhid Ali Ogly. Mulla Mukhammad al-Golodi – izvestnyi musul'manskii uchenyi i prosvetitel' XVII veka [Mulla Muhammad al-Golodi: A Prominent Muslim Scholar and Educator of the 17th Century]. *Vzaimodeistvie gosudarstva i religioznykh ob'edinenii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy. Materialy Severokavkazskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [State–Religion Relations: Current State and Prospects. Proceedings of the North Caucasus Scientific and Practical Conference]. Khanbabaev K.M. (ed.). Makhachkala: Yupiter; 2003, pp. 116–125. (In Russian)
28. Shikhaliev Shamil. Taqlid and Ijtihad over the Centuries: The Debates on Islamic Legal Theory in Daghestan, 1970 – 1920. *Shari'a in the Russian Empire. The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550-1917*. Paolo Sartori and Danielle Ross (eds) Edinburgh: Edinburgh University Press; 2020, pp. 239–280. (In English)
29. Abdullayev Kamran & Türkmen Ersan. *Bir Muhacirlik Öyküsü ve İlimlerin Sınıflandırılması. Nureddin Şirvânî ve Merâtibu'l-Ulûm Risalesi Tahkik, Tahlil, Tercüme* [A Story of Migration and the Classification of Sciences. Nureddin Shirvani and his Treatise on the Meratibu'l-Ulum: Verification, Analysis, and Translation]. Ankara: İlâhiyât Yayınları Publ.; 2023. 208 p. (In Turkish)
30. Shikhsaidov A. R., Aitberov T. M., Orazhev G. M.-R. *Dagestanskije istoricheskie sochineniya* [Dagestani Historical Works]. Moscow: Nauka Press; 1993. 302 p. (In Russian)
31. Zakariyev Z.Sh. Srednekovyvy dagestanskiy sufiy Sheykh Amir al-Mishlishi i yego ziyarat v selenii Mishlesh [The Medieval Dagestani Sufi Sheikh Amir al-Mishlishi and

His Ziyara in the Village of Mishlesh]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2011;3:9:105–111. (In Russian)

32. Zakariyaev Z.Sh. Novye dannye araboyazychnykh epigraficheskikh pamyatnikov po istorii sufizma v Dagestane [New Data from Arabic Epigraphic Monuments on the History of Sufism in Dagestan]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2012;4:14:97–102. (In Russian)

33. Aitberov T.M. Epitafii sheikhov Safaviyya, Khalvatiyya i Sukhravardiya v Dagestane: k istorii irano-dagestanskikh svyazei XV v. [Epitaphs of Shaykhs of the Safaviyya, Khalvatiyya and Suhrawardiyya in Dagestan: Towards the History of Iranian–Dagestani Contacts in the 15th Century]. *Dagestan i musul'manskii Vostok* [Dagestan and the Muslim East]. Alikberov A.K. & Bobrovnikov V.O. (eds). Moscow: Marjani Publishing House; 2010, pp. 179–88. (In Russian)

34. Khapizov Sh.M., Shekhmagomedov M.G. Sufiiskii orden Khalvatiia v gornoi Avarii: novye stranitsy istorii sufizma v srednevekovom Dagestane (XVI–XVII vv.) [The Khalvatiyya Sufi Order in Mountainous Avaria: New Pages in the History of Sufism in Medieval Dagestan (16th–17th Centuries)]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2017;8(1):70–81. (In Russian)

35. *Akty, sobrannyye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei* [Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Vol. 1. Berge A.P. (ed.). Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus; 1868. 816 p. (In Russian)

36. Malachikhanov B. *O proshlom Avarii* [On the Past of Avaria]. Makhachkala, 1928. 11 p. (In Russian)

37. Aitberov T.M. Dokumenty po istorii srednevekovogo Dagestana (nach. XV – konets XVI vv.) [Documents on the History of Medieval Dagestan (Early 15th–Late 16th Centuries)]. *Voprosy istorii Dagestana* [Problems of the History of Dagestan]. Vol. 2. Makhachkala: IYal DagF AN SSSR; 1975, pp. 231–240. (In Russian)

38. Krishtopa A.E. Svedeniya zapadnoevropeiskikh puteshestvennikov XV veka o Dagestane [Accounts of Western European Travellers of the Fifteenth Century on Dagestan]. *Voprosy istorii i etnografii Dagestana* [Problems of the History and Ethnography of Dagestan]. Vol. 1. Makhachkala: DGU; 1970, pp. 110–123. (In Russian)

39. Fazlullakh ibn Ruzbikhan Khundzhi. *Tarikh-i alam-ara-ii amini*. Eng. trans. and comm. by V. F. Minorsky; Russ. trans. by T. A. Minorskaya. Baku: Elm; 1987. 170 p. (In Russian)

40. Nogma Sh.B. *Filologicheskie trudy* [Philological Studies]. Vol. 1. Turchaninov G.F. (ed.). Nal'chik: Kabardian Book Publishing House; 1956. 308 p. (In Russian)

41. Nogmov Sh.B. *Istoriya adygeiskogo naroda, sostavlennaya po predaniyam kabardintsev* [The History of the Adyghe People Based on Kabardian Traditions]. Kumykov T.Kh. (ed.). Nal'chik: El'brus; 1994. 232 p. (In Russian)

42. Bakikhanov Abbas-Kuli-aga. *Gyulistan-i Iram: Iz istorii Shirvana i Dagestana s drevneishikh vremen do 1913 g.* [On the History of Shirvan and Dagestan from Antiquity to 1913]. Bunyatov Z.M. (ed.). Baku: Elm; 1991. 304 p. (In Russian)

43. Musaev M.A., Shikhaliev Sh.Sh., Shekhmagomedov M.G. *Epigrafika nekropolya utsmiev v Kala-Koreishe* [The Epigraphy of the Utsmi Necropolis in Kala-Koreysh]. Makhachkala: Mavraev Publishing House; 2019. 180 p. (In Russian)

44. Aitberov T.M. Istochniki po istorii Avarii XVI–XVII vv. [Sources on the History of Avaria in the Sixteenth–Seventeenth Centuries]. *Razvitie feodal'nykh otnoshenii v Dagestane* [The Development of Feudal Relations in Dagestan]. Makhachkala: Institute of History, Language and Literature of the Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences; 1980, pp. 179–194. (In Russian)

45. Bronevskii S. M. *Noveishiya izvestiya o Kavkaze, sobrannyya i popolnennyya Semenom Bronevskim* [The Latest Information on the Caucasus collected by Bronevskii]. Pavlova I.K. (ed.). St. Peterburg: St. Petersburg Oriental Studies Publ.; 2004. 464 p. (In Russian)

46. Polchaeva F.A., Musaev M.A., Alibekov Kh.G. Genealogiyu utsmiiskogo roda po narrativu “Khronika Makhmuda iz Khinaluga” [The Genealogy of the Utsmi Dynasty according to the ‘Chronicle of Mahmud of Khinalug’]. *Istoriya, arkhologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus]. 2023;19(4):934–945. (In Russian)

47. *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina. 1466–1472 gg.* [Journey Beyond the Three Seas (1466–1472)]. Lur'e Ya.S. (ed.). Moscow–Leningrad: the USSR Academy of Sciences; 1958. 214 p. (In Russian)

48. Kirzioglu Fahrettin. *Osmanlilar'in Kafkas-elleri'ni fethi (1451–1590)*. Ankara, 1993. 568 p. (In Turkish)

49. Belokurov S.A. Snosheniya Rossii s Kavkazom [Russia's Relations with the Caucasus] in: *Materialy izvlechennyye iz glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del* [Materials from the Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs, 1578–1613]. Vol. 1. Moscow, 1889. CLX+584 p. (In Russian)

50. *Ulozhenie Temura* [The Code of Temur]. Akhmedov B. (ed.). Tashkent: Publishing and Printing Association named after G. Gulyam; 1999. 142 p. (In Russian)

51. Evliya Chelebi. *Kniga puteshestviya* [The Book of Travels]. Vol. 2. Zheltyakov A.D. (ed.). Moscow: Nauka Press; 1979. 288 p. (In Russian)

Информация об авторах

Шихалиев Шамиль Шихалиевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала, Российская Федерация.

Шумкин Арсений Вячеславович, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

About the authors

Shamil Sh. Shikhaliev, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; Leading Researcher, Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Daghestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, the Russian Federation.

Arseniy V. Shumkin, postgraduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 06 февраля 2026

Одобрена рецензентами: 06 марта 2026

Принята к публикации: 30 марта 2026

Article info

Received: February 05, 2026

Reviewed: March 06, 2026

Accepted: March 30, 2026